

Мокрое белое полотенце, небрежно завязанное узлом на бедрах Чу Хэна, вот-вот готово соскользнуть. Его пальцы слегка дёргают за край, словно он действительно собирается развязать его и показать Хуайцзяо.

Лицо Хуайцзяо переливается румянцем, сменяющимся бледностью. Он судорожно сжимает одежду, губы плотно сжаты, а выражение лица – растерянное и глуповатое.

Под пристальным взглядом Чу Хэна в его голове мелькает мысль:

Разве он всегда был таким?

Таким – когда стоит перед ним, обернутый лишь полотенцем, с узкими, лишёнными очков глазами-фениксами, которые без тени смущения впиваются в него.

Без намёка на сдержанность, даже с оттенком агрессии, он произносит двусмысленные фразы, от которых кровь стынет в жилах.

- Хочешь, я докажу? – продолжает допытываться Чу Хэн.

Тот миг, когда Хуайцзяо предъявил «улику», и Чу Хэн на мгновение потерял самообладание, теперь казался перевёрнутым с ног на голову. Он снова взял верх.

Он действительно изменился, как и думал Хуайцзяо.

Его слова, его действия – даже зрители стрима, следившие за ним долгое время, не сдерживались, заполняя чат возгласами «Вот это поворот!».

Ведь до этого дня Чу Хэн в глазах всех был воплощением холодного, аскетичного идеала.

Никто и представить не мог, что он способен так ломать свой образ.

Хуайцзяо пылает от стыда. «Волчий волос», зажатый в его ладони, словно раскалённый уголь – выбросить нельзя, держать – невыносимо. Когда Чу Хэн делает шаг вперёд, всё его тело немеет от страха.

- Что, язык проглотил? – Чу Хэн, кажется, даже развлекается его глуповатым видом. Уголки его губ дрогнули в лёгкой улыбке, а голос, уже не такой ледяной, произносит: – Ты же только что был так уверен. Говорил, что это слишком длинное, чтобы быть человеческим.

Подозреваешь, что я оборотень?

Его светлые зрачки под холодным светом лампы кажутся почти прозрачными. Взгляд, устремлённый на одного человека, давит, как пристальное внимание хищника.

Но его неряшливый вид, полубожажённое тело – всё это выглядит откровенно непристойно, особенно на фоне жалкого, растерянного Хуайцзяо.

Чем дольше Хуайцзяо молчит, тем увереннее чувствует себя Чу Хэн. Та растерянность, что мелькнула на его лице ранее, будто была наигранной. Теперь же он наслаждается своей властью, и это, кажется, его истинное лицо.

- Хочешь, я докажу свою невиновность прямо сейчас? – Его слова быстры и чётки, смысл – предельно ясен.

И именно из-за этой откровенности Хуайцзяо цепенеет, не в силах вымолвить ни слова.

- Н-не надо... - бормочет он, краснея.

Хуайцзяо не настолько бесстыжий, чтобы из-за сомнительной игровой улики разглядывать чье-то нижнее бельё.

Его лицо выражает такую смесь стыда и неловкости, что Чу Хэн, сжав губы, едва сдерживает смех.

Он легко может представить, что бы натворил Хуайцзяо, если бы он не вышел вовремя или не заметил, как тот прячет «улику»...

Скорее всего, на вечернем голосовании, когда собрались бы все семь игроков, он с важным видом вытащил бы эту «шерсть», найденную в его постели, и объявил бы всем, что Чу Хэн - оборотень.

Это очень похоже на Хуайцзяо. Они знакомы всего два дня, но Чу Хэн почему-то уверен, что тот поступил бы именно так.

Хуайцзяо опускает голову, избегая его взгляда, и больше не вспоминает про «шерсть».

Чу Хэн понимает, что пора остановиться.

Он поворачивается к шкафу, собираясь замять тему, но, бросив ещё один взгляд на ошарашенное лицо Хуайцзяо, неожиданно произносит:

- Точно не хочешь посмотреть?

...

Чу Хэн стоит спиной к Хуайцзяо, переодеваясь у шкафа. Мокрое полотенце брошено на край кровати.

Позади него Хуайцзяо застыл посреди комнаты, словно деревянный.

- Можешь присесть на кровать, - говорит Чу Хэн, не оборачиваясь.

Его ум и наблюдательность позволяют ему понять: Хуайцзяо его боится.

Не просто боится - он очень его боится. Его резкость на первом голосовании, язвительные замечания при каждом удобном случае - кого угодно заставят сторониться его.

А уж такого осторожного и пугливого, как Хуайцзяо, и подавно.

Он даже сесть не решается, пока ему не разрешат.

Если бы Чу Хэн не дал ему этот намёк, Хуайцзяо так и простоял бы, как истукан, пока тот не закончит.

Красивый, но недалёкий.

Таково было первое впечатление Чу Хэна о Хуайцзяо, и оно до сих пор не изменилось.

Разве что теперь к нему добавились ярлыки «жалкий» и «послушный».

Настолько послушный, что, даже будучи оставленным для обыска комнаты, он ещё и убирается за всеми.

Следы на полу стереть без инструментов не получилось, но шкаф, кровать, стол – всё было аккуратно прибрано.

Если бы Чу Хэн задержался подольше, Хуайцзяо, возможно, даже постель бы заново застелил.

Экран стрима в какой-то момент заполнился комментариями – восторженными, шокированными. Один из них повторялся раз сто, и, мельком глянув, Чу Хэн замер.

«Он не маленький святой, а глупенькая красотка-жёнущка»

Сейчас эта «жёнущка», с его позволения, сидит на краешке кровати, скромно сжав колени.

...

Остальные пятеро, должно быть, уже обыскивают другую комнату. Чу Хэн не торопится и не собирается присоединиться.

- Я могу идти? – нервно спрашивает Хуайцзяо, когда тот заканчивает переодеваться.

Чу Хэн приподнимает бровь, но вместо ответа задаёт вопрос:

- Ты всё ещё считаешь меня оборотнем?

Он говорит прямо, но Хуайцзяо не знает, что ответить. Совсем перестать сомневаться? Невозможно. После вчерашнего его репутация сильно пострадала – и не только в глазах Хуайцзяо, но и всех остальных.

- Вчера я проверил пятого. Он чист.

Эти неожиданные слова заставляют Хуайцзяо замереть.

Переодетый Чу Хэн, скрестив руки, прислоняется к шкафу. Его взгляд скользит вниз, когда он спокойно говорит:

- Я должен был объявить результат проверки перед голосованием, но сейчас решил, что можно сказать заранее.

Хуайцзяо широко раскрывает глаза.

- Почему только мне...?

- Потому что, кроме пятого, ты единственный, кому я пока доверяю, – отрезает Чу Хэн.

- Ты – мой «чистый» с первого дня.

Хуайцзяо нервно облизывает губы.

- Но... если ты настоящий провидец, почему вчера ты не...

- Самозванец был изгнан в первую ночь. Раз оборотни не тронули меня, хотя я подтвердил

свою роль, что это значит?

Чу Хэн хмурится, его голос вновь становится жёстким.

- Если все будут так думать, сегодня меня выгонят.

- Ночью убьют одного, днём выгонят другого. Наши отстанут на два хода.

- К третьему дню мы проиграем.

Хуайцзяо открывает рот.

- А... а что делать? - растерянно спрашивает он, словно уже поверил.

Чу Хэн едва заметно расслабляется. Он выпрямляется, подходит к Хуайцзяо и останавливается в шаге от него.

Такая близость - один стоит, другой сидит - смущает Хуайцзяо. Он кусает губу и снова спрашивает:

- Так что нам делать?..

Чу Хэн наконец улыбается.

Его взгляд скользит по его прикушенной губе, когда он отвечает:

- Просто слушайся меня.

<http://bllate.org/book/14682/1308765>